
СВЯЗЬ ВРЕМЕН

К. ПЕТКЕВИЧ

ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РАДА 1654 ГОДА В НОВЕЙШЕЙ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ПУБЛИЦИСТИКЕ

Проблематика Переяславской Рады в польской историографии, к сожалению, не дождалась до сих пор отдельной разработки. Казалось бы, исследование генезиса и последствий этого исторического события, являвшегося переломным моментом в новейшей истории Центральной Европы, должно вызывать больший интерес исследователей. К сожалению, количество научных работ в данной области более чем скромно. Можем назвать лишь две научные разработки, в заглавии которых мы находим прямую ссылку на Переяславскую Раду (Wójcik 1954a; Kaczmarczyk 1982, тезисы этой работы автор широко представил в своей монографии: Kaczmarczyk 1988). Этот незначительный интерес со стороны польской историографии и публицистики к проблеме Переяславской Рады объясняется рядом причин. Современные исследования польско-украинских отношений направлены прежде всего на период новейшей истории. Времена казачества и казацкого вопроса ушли на дальний план. В независимой Украине были проведены богатые и многосторонние исследования по этому вопросу, неоднократно публиковались первоисточники. Данные факты позволяют высказать мнение о том, что к интересующему нас вопросу нельзя уже добавить ничего нового. Значительный круг читателей, заинтересованных украинской точкой зрения по этому вопросу, вполне удовлетворен переводом «Истории Украины» Наталии Яковенко (Jakowenko 2000).

В польской историографии XIX и первой половины XX в. в связи с большим интересом к так называемому казацкому вопросу и кризису Речи Посполитой в середине XVII в. появились многочисленные научные труды, по сей день формирующие нашу, польскую точку зрения на данную тему, нашедшую отражение в работах Александра Яблоновского (Jabłonowski 1910; 1912), Людвика Кубали (Kubala 1904; 1910), Владислава Томкевича (Tomkiewicz 1935; 1939), в синтезе нашей истории Иоахима Лелевеля, Енджея Морачевского, Михала Бобжиньского, Владислава Смоленского, Юзефа Шуйского, Аугуста Соколовского, Владислава Конопчиньского, неоднократно переиздававшихся (Lelewel 1959; Moraczewski 1864; Bobrzyński 1927; Smoleński 1897; Sokołowski 1898; Szujski 1889; Koporczyński 1936), а также в работах историков-любителей Францишека Равиты-Гавроньского (Rawita-Gawroński 1909; 1925) и Антони Ролле (Rolle 1966). Благодаря работам указанных исследователей генезис и ход Переяславской Рады, в том числе содержание «статей Богдана Хмельницкого» и привилегий для запорожского войска, гарантированных царем Алексеем в 1654 г., были очень хорошо известны. Авторы указанных работ пользовались в основном трудами Л. Кубали, лишь по-своему расставляя акценты. Для польской школы авторитетными являются мнения, высказанные В. Конопчиньским, для которого, как и для многих его предшественников, Польша была рубежом европейской цивилизации. Он рассматривал условия, сопровождавшие Переяславскую Раду, в контексте отношений с Москвой, в которых «жажда отомстить за Клушин и Смоленск беспокоила русские сердца уже давным-давно» (Koporczyński 1923). Решения Переяславской Рады, с одной стороны, были вызваны активными действиями московской дипломатии, с другой – реализацией замыслов самого Б. Хмельницкого, а также его стремлениями подчиниться России; нельзя при этом не упомянуть о захватнических тенденциях московского патриархата. Следует сказать, что автор только вскользь указал на опасности, какие несли с собой переяславские «статьи», для автономии Украины, которую царь ограничил, добавляя при этом, что они были исполнением желаний и принесли пользу русскому населению. Кроме того, довоенные польские историки обращают внимание прежде всего на то, что в основу решений, принятых Переяславской Радой,

легла невозможность прийти к какому-либо соглашению с Речью Посполитой (возвращение к основам навязанного татарами Зборовского соглашения, заключенного под Жванцем, было исключено). Историки подчеркивали взаимную ненависть, которая «впилась в сердца и отравила братскую кровь» (Г. Сенкевич; ср.: Górkа 1934; Tomkiewicz 1937).

В польской историографии послевоенного периода (1945) относительно переяславской проблематики в отдельности и казацкой в целом мы можем выделить три основных направления. Первое было связано с навязанной польским историкам официальной версией советской и тогдашней украинской историографии и приурочено к торжествам по случаю 300-летия Переяславской Рады. Работы, принадлежащие этому направлению, были немногочисленны и появлялись вплоть до 70-х гг. XX в. В настоящее время они не представляют для науки особого интереса. Второе направление включает разработки, появившиеся после 1957 г., после так называемой польской «оттепели». Это в основном академические учебники, освещающие вопрос Переяславской Рады в более широком контексте истории Польши, польско-украинских и польско-русских отношений. К этому направлению можно также причислить очерки и научно-популярные книги, авторы которых, если, конечно, это позволяла цензура, старались соблюдать научную достоверность и одновременно с уважением относиться к достижениям традиционной интерпретации давней польской историографии. Появление третьего направления датируется 1980 г., когда польская наука освободилась из-под гнета цензуры и благодаря этому смогли появиться научные разработки Януша Качмарчика, основанные на солидных источниках и новейших достижениях украинской, польской и эмиграционной историографии. Они считаются авторитетными и представляют взгляды польских историков по этому вопросу.

I. Торжества по случаю 300-летия Переяславской Рады, происходившие в 1954 г., в Польше тоже имели официальный характер. Государственные власти, воспользовавшись этим случаем, навязали польским историкам мнения, господствовавшие по этому во-

просу в СССР. Пропагандистская кампания велась центральными органами власти. Официальные тезисы были опубликованы в газете «Трибуна люду», органе ЦК ПОРП (Tezy... 1954). Согласно этим тезисам, национально-освободительная война 1648–1654 гг. была «одной из самых ярких страниц в истории украинского народа. Решающей силой в ней были крестьянские массы, боровшиеся с общественным гнетом и эксплуатацией польских и украинских феодалов, а также против чужого угнетения. Наряду с крестьянством в этой освободительной войне принимали участие казацкие массы и жители городов, а также казацкие старшины». Переяславская Рада, в свою очередь, инициировала «процесс объединения остальных украинских земель, продолжавшийся со второй половины XVIII в. вплоть до 1945 г. (включение Закарпатской Украины) (Rada... 1954). Таким образом на польской почве в связи с Переяславской Радой появились такие понятия, как «вторичное объединение» (воссоединение) и «национально-освободительная война украинского народа 1648–1654 гг.».

Опираясь на концепции официальных торжеств в Киеве, а также на вышеуказанные партийные тезисы, истории украинских восстаний посвятили свои статьи Зофья Либишевска и Богдан Барановски (Baranowski, L̩biszowska 1954; Baranowski 1954). В своих работах авторы дали критическую оценку так называемой буржуазной польской историографии и изложили новые концепции по вопросу о Переяславской Раде. Согласно их интерпретации, восстание 1648 г. нарушило весь существующий порядок в Центральной и Восточной Европе, сыграло решающую роль в истории не только Европы, но и всего мира, а решения, принятые Переяславской Радой 8 (18) января 1654 г., были первым актом в масштабном процессе объединения Украины с Россией. Решения, принятые Переяславской Радой, и включение Украины в состав Российского государства способствовали росту и укреплению Российского государства и одновременно оказали огромное влияние на дальнейшее историческое развитие украинского народа. Читая вышеназванные статьи, трудно отличить авторский текст от идеологических предпосылок. Их характерной чертой является далекоидущий презентизм. Итак, значение Переяславской Рады должно было еще заключаться в том, что были созданы реальные возможности для

дальнейшего освобождения остальных украинских, русских и белорусских земель из-под чужого господства, видимо польско-литовского, а также «освобождения земель южной Украины из-под татарского ига»¹. Казалось, что авторы слишком торопливо, хотя не без оснований, писали о том, что объединение с Россией способствовало экономическому развитию и созданию уже в XVII в. общероссийского рынка, неотъемлемой частью которого стала Украина. Но нельзя не согласиться с мнением, что «коренным образом изменилось расположение сил в Центральной и Восточной Европе. Было ликвидировано шляхетско-магнатское превосходство польско-литовской Речи Посполитой, а Российское государство, увеличенное за счет могущества и ресурсов Украины, выдвинулось на передний план».

На фоне подобных разработок выделяется положительным образом упомянутая работа Збигнева Вуйцика (Wójcik 1954a), наряду с Ежи В. Серчиком являющегося самым выдающимся знатоком казацкой проблематики в Польше за последние полвека². Автор, в это время еще только начинающий историк (род. в 1922 г.), старался справиться с научными и политическими требованиями. Он поместил во введении замечания, согласно требованиям тогдашней пропагандистской линии, а свой основной текст посвятил реакции правящих Речью Посполитой элит на подписание Переяславского соглашения. В статье не говорится о том, как проходила и какие последствия для самой Украины повлекла за собой Переяславская Рада. Автор пришел к выводу, что о ее историческом значении говорят работы многочисленных польских историков старшего поколения Л. Кубали, А. Яблоновского, Т. Корзона (Korzona 1892), В. Конопчиньского и Ф. Равиты-Гавроньского, а также украинских и русских историков (М. Грушевский, В. Липински, В. Голубицкий, И. Миллер, И. Греков, В. Королюк, М. Тихомиров, А. Лихолат). Основной тезис, изложенный З. Вуйциком, сводился к тому, что постановления Переяславской Рады перечеркнули шансы одер-

¹ Принимая во внимание, что Черноморская степь была до XVIII в. областью кочевников, говорить об освобождении из-под татарского ига не возможно.

² Среди своих достижений З. Вуйцик имел написанную под руководством проф. Владислава Томкевича работу *Ukraina w latach 1660–1663*, которую защитил в 1948 г.

жать победу над восставшими, и Речь Посполитую ждала неизбежная тотальная расправа объединенными российско-украинскими силами. Автор констатировал, что действия польской стороны пошли по трем основным направлениям: 1) непосредственные боевые действия; 2) диверсионные акции, рассчитанные на раскол в самом казачестве и 3) создание широкой коалиции, прежде всего с участием крымских татар. В первом случае быстрыми темпами, уже в марте 1654 г., польская экспедиция двинулась на Подолье и, устроив страшнейшую расправу над украинским населением, продолжала свои действия вплоть до конца года. Неудачей закончились также планы, направленные на разрыв украинско-российского союза. Автор объяснял случившееся отношением польских магнатов и шляхты, которые уже с конца XVI в. по отношению к украинскому вопросу, крестьянам и казакам стояли на непримиримой и твердой позиции, которая у большинства украинского населения вызывала стремление к объединению с Россией. В связи с этим крестьяне ожидали улучшения экономического положения и защиты от шляхетского гнета и татар, горожане – более широкого доступа к рынку, ликвидации ограничений, вытекающих из шляхетских привилегий, купечество – оживления торговли с Россией, а все вместе взятые – ликвидации преследований на религиозной почве. Относительно третьего вопроса – польская дипломатия сосредоточилась на привлечении Крымского ханства, были также направлены посольства в Турцию, Молдавию, Волошское княжество, Трансильванию, Швецию и Англию. Союз с крымским ханом был заключен летом 1654 г., он привел, ввиду непримиримых противоречий, к выходу из существующей до середины 1654 г. коалиции Волошского княжества и Трансильвании, но дал Польше возможность продолжать военные действия еще на протяжении нескольких лет.

3. Вуйцик впервые поставил тезис, нашедший отражение и в его последующих работах, что Переяславская Рада привела к коренному изменению распределения сил в Восточной Европе. Крымское ханство, располагая турецкими полномочиями, оказалось на позиции арбитра, давшей ему возможность удерживать равновесие между его северными соседями (автор говорил об этом в опубликованной в то же время статье: Wójcik 1954b).

II. В рассматриваемом нами втором направлении мы можем заметить, с одной стороны, характерное употребление марксистской методологии, а с другой – дань уважения традициям польской историографии. Данный принцип нашел отражение в многотомной «Истории Польши», подготовленной Институтом истории ПАН, издаваемой с 1957 г. Автором главы, посвященной кризису Речи Посполитой в середине XVII в., был Казимеж Пиварски, по словам которого, события на Украине были «казацко-крестьянской войной» (Piwarski 1957b, cz. II, IX: 675–681). Следует также обратить внимание на тот факт, что К. Пиварски в своей разработке отказался от традиционного для польской историографии определения «*восстание Хмельницкого*», как и от пришедшего из СССР определения «*антифеодалное движение народных масс Украины против классового и национального гнета*». Автор синтетическим образом изложил все тенденции, характерные для интерпретации Переяславской Рады, присутствующие в позднейшей польской историографии. Он подчеркнул, что Переяславская Рада была созвана в очень невыгодной для Хмельницкого международной ситуации, возникшей после казацкого похода в Молдавию и осложнившей положение на Балканском полуострове. Это заставило князей Трансильвании и Волошского княжества заключить союз с Польшей против казаков. Изменилась также политическая линия крымского хана, заставившего Хмельницкого заключить под Жванцем 15 декабря 1653 г. мирное соглашение с королем. *«К этому времени Россия уже завершила свои военные приготовления. В октябре 1653 г. Земский собор в Москве принял решение о присоединении Украины к России. Через некоторое время московский посол, боярин Василий Бутурлин направился к Хмельницкому в Переяслав. Здесь в январе 1654 г. казацкая рада приняла единодушное решение об объединении Украины с Российским государством. Украинское население (хотя не без исключений со стороны казацких старшин, шляхты и высшего духовенства) одобрило переяславские постановления и в массовом порядке присягнуло на верность новой власти».*

На этом фоне довольно загадочными, что было обусловлено, по всей вероятности, влиянием цензуры, представляются выводы, касающиеся вопроса о независимости Украины. К. Пиварски лишь в нескольких словах констатировал, что «*в сложившейся тогда си-*

туации Украина не могла рассчитывать на полную независимость, поскольку не желали признать ее ни Речь Посполитая, ни Москва, и к тому же над Украиной нависла угроза со стороны Турции». Эту мысль автор развернул в другом месте, написав следующее: «Турция интересовалась украинским восстанием, имея при этом в виду свои захватнические интересы ...турецкое покровительство и татарский союз только разоряли Украину и в конечном итоге угрожали разделом ее между Турцией и Польшей» (Piwarski 1957b, cz. IX: 684). Последнее высказывание было далеко-идущим обобщением, оно должно было смягчить антимосковский тон этого вывода³, поскольку в дальнейшей части автор аргументировал, что именно ввиду татарско-турецкой угрозы «украинское население, в особенности чернь, искало защитника в Москве – именно это обстоятельство стало прочным фундаментом Переяславского соглашения 1654 г., оно явно не было по мысли турецко-татарской политики, чему доказательством является факт, что татары поменяли свою политическую позицию, перешли на сторону Речи Посполитой, противопоставляясь решительным образом Переяславскому соглашению» (Piwarski 1957a: 684).

В цитируемом фрагменте автор применил определение «Переяславское соглашение», являвшееся результатом стремлений жителей Украины. В связи с этим возникают два вопроса: уверенность в прочности украинско-российского союза и последствия его заключения для дальнейшей судьбы всего региона. По этому последнему вопросу решения, принятые в Переяславе, по мнению К. Пиварского, должны были «оказать огромное влияние на дальнейшее историческое развитие этих народов, близких друг другу с точки зрения языка, культуры и истории, а также отношения обоих к Речи Посполитой» (Piwarski 1957b: 680). В явном противоречии с мыслью, высказанной на предыдущих страницах, стоят высказывания о том, что начатая в 1654 г. российско-польская война была «неизбежным последствием Переяславского соглашения». Она стала новым этапом «в формировании распределения сил в этой части Европы...

³ Как известно, турецкое нападение на Украину произошло в 1672 г., поэтому турецкую угрозу в 1654 г. не принимали серьезно, а, наоборот, постоянно ожидали помощи от Турции, и в последующие годы Б. Хмельницкий старался стать вассалом султана.

Восточная экспансия со стороны Речи Посполитой была окончательно приостановлена... С этого времени начинается период доминирования приобретающей силу России над ослабевающей Речью Посполитой». К. Пиварски употребил здесь польский эквивалент русского слова «воссоединение», говоря об «объединении Украины с Россией», в другом месте он говорит о «присоединении Украины к России», которое было «осуществлено лишь частично», но одновременно он давал понять, что именно Россия начала борьбу за объединение Украины и Белоруссии (признав пассивную роль обеих).

«История Польши», издававшаяся Институтом истории ПАН на протяжении нескольких десятилетий, была основным академическим учебником, формировавшим взгляды нового поколения историков. Изложенные в ней тезисы нашли свое отражение также в школьных учебниках. Переломный момент наступил в 1956 г. и принес с собой рост интереса к отечественной истории, в которой, благодаря непрекращающейся популярности трилогии Генриха Сенкевича, XVII в. занимал важное место. Вскоре появился целый ряд научно-популярных работ, среди которых были также очерки на тему истории казаков и их отношения к Польше, автором которых был З. Вуйцик (Wójcik 1960), история Запорожской Сечи Лешека Подгородецкого (Podhorodecki 1960), польско-турецких отношений Януша Паевского (Pajewski 1960). Марцели Косман, следуя по тропам героев Сенкевича, постарался приблизить к читателю историческую действительность, учитывая в своей работе результаты новейших исследований (Kosman 1966). Представленные здесь книги пользовались большой популярностью среди читателей и многократно переиздавались. Все цитированные авторы в своих высказываниях на тему роли и значения Переяславской Рады ссылались в основном на научные достижения З. Вуйцика, который в это время глубоко и творчески изучал вопросы международных отношений в Восточной Европе во второй половине XVII в. (Wójcik 1959; 1968; 1976). Взгляды на эту проблему, сначала представленные в форме коротких замечаний, ученый систематизировал и изложил в цитированном выше очерке об истории казаков, в котором нарисовал пеструю картину событий того времени, и в 1871 г. представил в синтетической форме в блестящем издании

историю России 1533–1801 гг. (Wójcik 1971: 125–151). В указанных работах З. Вуйцик полностью отказался от идеологических предпосылок, аккуратно взвешивая свои суждения и оценки. Он представил казаков как отдельную социальную группу, выходящую за рамки тогдашнего феодального общества и являющуюся угрозой для стабильности Речи Посполитой. Причины сложившейся ситуации он видел в Брестской унии, которая впоследствии привела к «союзу православия с казачеством», направленному против Польши. Не уклоняясь также от высказываний на тему разрушающей роли казачьего произвола, который угрожал Польше конфликтами с Турцией, З. Вуйцик прямо говорит о том, что по отношению к казачеству у польского правительства не было ясно сформулированной политики. С одной стороны, с казаками разговаривали с позиции силы, а с другой – давали пустые обещания, если в данный момент Польше нужна была дешевая военная сила. События 1648–1654 гг. автор определил словом «восстание», которое «из казацкого движения, со временем казацко-крестьянского, превратилось во всеобщую национально-освободительную войну всего украинского народа против польского господства» (Там же: 125). З. Вуйцик рассматривал Переяславскую Раду в международном контексте, указывая при этом на эволюцию позиции Москвы – сначала ее опасения и отрицание в 1648 г., появление, спустя некоторое время, планов присоединения Украины в 1651 г., отложенных до 1653 г. ввиду укрепления (временного) Речи Посполитой (Батог, Жванец). Представляя также подробное описание дипломатических контактов Хмельницкого с Москвой, решения Земского собора о «расширении на Украину российского покровительства», посольства Василия Бутурлина и деятельности Переяславской Рады, З. Вуйцик предпринял одновременно попытку дать ей свою оценку. Он высказывался против того, чтобы на Раду смотреть как на проявление массового стремления украинцев к объединению с Россией. Автор доказал, что это была «черная рада», объединяющая представителей всех полков, но самые важные решения принимались Б. Хмельницким в узком кругу казацких старшин. Известное обращение гетмана с речью к казакам, по мнению З. Вуйцика, является доказательством его политического таланта и умения владеть собравшимися, которым он был способен навязать свою точку зре-

ния. Автор видит в гетмане единовластного правителя и называет его «в одном лице президентом, премьером, министром иностранных дел и главнокомандующим». Проблемы, возникшие после отказа В. Бутурлина гарантировать от имени царя казачеству его свободы, называемые «клятвенным кризисом»⁴, З. Вуйцик объяснял так же, как и довоенные историки, которые считали, что были они результатом привязанности казаков к системе польского государственного строя. Автор не сомневался также в историческом значении Переяславской Рады. По его мнению, она принадлежит к тем важным историческим событиям, которые всегда будут вызывать большой интерес и порождать сильные политические эмоции. Вводя читателя в эту проблематику, Вуйцик констатировал, что «интерпретация Переяславского соглашения, частью научная, частью политическая, стоит между двумя основными, но противоположными концепциями, согласно первой – это было объединение, причем повторное, двух братских народов, согласно второй – это был всего лишь новый военно-политический союз Хмельницкого, направленный против главного врага Украины – шляхетской Речи Посполитой» (Wójcik 1971: 141). Он признает в дальнейшем, что суть переяславского договора можно понять, если будет учитываться тот факт, что цели обеих сторон (царя и Хмельницкого) не были идентичными и что это не был договор, заключенный между двумя равносильными партнерами. Россия стремилась подчинить себе Украину, гарантируя ей лишь частичную автономию, Хмельницкий же стремился к полной независимости своей страны и хотел получить от Москвы помощь в борьбе с Польшей, при одновременно минимальной зависимости от нового протектора. В работах З. Вуйцика впервые, можно сказать, совсем случайно появился термин «казацкое государство» по отношению к стране, управляемой Хмельником. Авторы научно-популярных работ Л. Подгородецки и М. Косман, ссылаясь на работы З. Вуйцика, уже более смело описывали это государство (Podhorodecki 1976: 285n; Kosman 1966: 113).

⁴ Изречение «клятвенный кризис» почерпнуто из истории Легионов И. Пилсудского, который в 1917 г. отказался присягнуть на верность Центральным государствам, за что был наказан тюремным заключением, но заменил союз польского освободительного лагеря с немцами и Австрией на союз с Антантой.

Характерной чертой, говорящей об эволюции суждений З. Вуйцика, было обращение большего внимания на политику Богдана Хмельницкого. Автор предупреждал, что мотивы ее нельзя объяснять лишь только военными трудностями в борьбе с Польшей. Вуйцик указал, что в переломный момент 1653–1654 гг. единственным возможным партнером оставалась Москва, «к которой казаки свой взор направляли уже в конце прошлого столетия. Безусловно, что наряду с политическими интересами важную роль сыграли также культурные и религиозные связи, которые были общим наследием как Киева, так и Москвы. Следует также заметить, что Переяславское соглашение не могло быть союзом между равными партнерами, оно должно было заключать в себе определенные элементы, говорящие о зависимости Украины от России. И так было на самом деле, что подтвердили исторические события ближайших десятилетий».

Во всех своих разработках профессор Вуйцик обращал внимание на роль, которую играло Крымское ханство, являвшееся в данное время арбитром в польско-казацком конфликте. Оно существенным образом влияло на ход событий и контролировало ситуацию, стараясь не допустить победы одной из сторон, которая могла бы заставить татар помериться силами с одним сильным противником. В биографии Яна Казимежа, появившейся в 1997 г., З. Вуйцик в последний раз высказался на тему Переяславской Рады (Wójcik 1997). Он считал, что время ее созыва приходилось на тот период, когда восстание практически потеряло признаки внутреннего конфликта, разыгравшегося в Речи Посполитой, и стало приобретать международный характер, в чем были заинтересованы Крымское ханство, Молдавия, Волошское княжество, Османская империя и некоторая часть ее христианского населения, Венецкая Республика и, прежде всего, сама Россия, которая, уловив подходящий момент, выступила против Речи Посполитой и, застав казаков врасплох, навязала им свою систему деспотической власти. По мнению З. Вуйцика, Переяславское соглашение было заключено на условиях, поставленных Россией. «Царь никакой клятвы казакам не дал. Хмельницкий думал, что приобрел сильного союзника, а получилось совершенно по-другому, это он в конечном счете должен был подчиниться сильному, жестокому и деспотичному суверену. Это

нисколько не был союз между Украиной и Россией, это была инкорпорация первой, совершенная второй. Этот факт нельзя также рассматривать как "вторичное объединение" (воссоединение) обеих стран, что хотела еще совсем недавно, то есть в 300-ю годовщину Переяславля, внушить всем советская пропаганда». Дальше он писал о том, что «суть Переяславского соглашения заключалась прежде всего в том, что благодаря ему Россия сделала первый значительный шаг на пути к европейскому и мировому господству. Без Украины Россия никогда бы не стала такой державой. Переяславское соглашение было также поражением Речи Посполитой, заметным знаком падения ее престижа на международной арене».

3. Вуйцик в описании непосредственных результатов Переяславского соглашения остался верен своим установкам, сделанным еще в 1954 г.; он напомнил, что действия Яна Казимежа сводились к военной акции, направлению посольств в Турцию и Бахчисарай, а также к изданию универсалов с обращением к казакам и населению Украины. Универсалы не сыграли ожидаемой роли, поскольку «шестилетнее восстание на Украине вырубил такую огромную пропасть между украинским населением и поляками, что не могло быть и речи о том, чтобы она могла быть ликвидирована». И только жестокое правление царской власти повлияло на изменение мнения части казацких старшин и убедило их в необходимости подписать соглашение с Польшей. Польско-татарский союз, заключенный в 1654 г., оказался прочным и сыграл значительную роль в продолжающейся несколько лет войне с Россией, побочным последствием его была так называемая «руина» – результат жестокого соперничества между Польшей, Россией, Крымом и Турцией.

Почти одновременно с многочисленными работами З. Вуйцика появились в начале 70-х гг. XX в. синтетические разработки по истории Польши, авторами которых были Ежи Охманьски и Людвик Базылев. Они были задуманы авторами как академические учебники, которые хотя и в сокращенном виде, но тем не менее позволяли ознакомиться с тогдашними мнениями на тему Переяславской Рады и разными точками зрения по этому вопросу. Ежи Охманьски (Ochmański 1974 [ost. wyd. 1986]) вслед за советской историографией охарактеризовал восстание 1648 г. как «национально-осво-

бодительную войну украинского народа под предводительством Богдана Хмельницкого», подчеркнул «общенародный» характер выступления казаков. Затем Е. Охманьски представил события, которые привели к созыву Переяславской Рады, являющиеся, по его мнению, результатом предпринятых Москвой решений об объявлении войны с Речью Посполитой. Очень интересным является мнение автора о последствиях Переяславской Рады. По словам Охманьского, «Россия признала, что Украина является ее составной частью под управлением гетмана Хмельницкого».

Если в работе Е. Охманьского нет ссылок на работы З. Вуйцика, посвященные Переяславской Раде, то в учебнике Л. Базылева мы обнаруживаем их довольно много, хотя ученый представил также свою оригинальную точку зрения на происходящее. Л. Базылев традиционно поместил восстание 1648 г. в целую серию казацких бунтов и пришел к выводу, что это «самое большое из всех казацких восстаний, под руководством Богдана Хмельницкого, почти молниеносно превратилось во всеобщую крестьянскую войну», в результате которой Речь Посполитая должна была признать Хмельницкого запорожским гетманом, которому подчинялись Киевское, Брацлавское и Черниговское воеводства. Название «гетманщина» или «казацкое государство» в его книге не появляется. Придерживаясь синтетической формы изложения, автор высказал мнение о том, что Переяславская Рада была последствием поражения Хмельницкого под Берестечком и перемирия, заключенного в Белой Церкви в 1651 г. Это угрожало возвращением шляхты в свои поместья и очередным приведением крестьянских масс в крепостную зависимость. По мнению Л. Базылева, «очевидным становился факт, что о реализации белоцерковских соглашений не могло быть и речи, и поэтому все сильнее стали проявляться стремления Украины к Москве». Задержка в реализации планов по присоединению Украины к России была вызвана колебаниями самого Хмельницкого, военными неудачами, и только в 1653 г. Россия смогла приступить к действию. «Созванный по этому вопросу Земский собор... дал свое согласие на присоединение к России той части Украины, которая находилась под непосредственным правлением Хмельницкого. В январе 1654 г. рада казацких старшин в Переяславе признала над собой царскую власть и дала клятву на верность

московскому престолу». В этом лаконичном высказывании мы обнаруживаем след «мартовских статей», когда Л. Базылев пишет: «Высокая гетманская должность Хмельницкого была подтверждена, объем его полномочий, а также казацкие права и свободы были уточнены и санкционированы несколько позже, то есть во время переговоров с послами Хмельницкого в Москве. Принятые решения обозначали неизбежную войну с Польшей» (Bazyłow 1975: 161–164⁵).

Самым значительным достижением польской историографии обсуждаемого периода была «История Украины» Владислава А. Серчика, в которой автор представил не только судьбы украинского народа и историю страны, но изложил также свою точку зрения на тему польско-украинских отношений, учитывая, что нам кажется особенно ценным, также украинскую позицию в оценке этих событий (Serczyk 2001: 104–108⁶). Он повторил свое мнение в 1970 г. о том, что в результате восстания 1648 г. возникла организация украинского казачества, являющаяся субъектом международной политики, и в связи с этим решения, принятые 8 (18) января 1654 г., назвал «Переяславской унией» (Serczyk 1970: 263–268). Именно в этом, а также в сильном акцентировании активной роли Москвы в создании унии заключался весьма оригинальный подход В. А. Серчика. Он считал, что Переяславская Рада была порождена сложившейся на Украине политической ситуацией, формирующимися экономическими связями украинских земель с Россией, настроениями среди казаков и украинского крестьянства, для которых Россия казалась естественным союзником в борьбе с Польшей, а также действиями Москвы, которая только и выжидала подходящий момент, чтобы принять казаков под свое покровительство и тем самым присоединить хотя бы часть украинских земель к России. Учитывая вышесказанное, можно принять, что союз с Москвой, заключенный в конце 1653 г., был для Хмельницкого делом жизни, так как против него уже зарождалась коалиция, в составе которой были Польша, балканские государства, Порты и татары.

⁵ 3-е издание этого пособия вышло в свет в 1985 и двухтомное издание – в 1983 и 1985 гг.

⁶ Предыдущие издания – в 1979 и 1990 гг.

В обсуждения, касающиеся хода событий в самом Переяславе и в последующее время, В. А. Серчик не внес принципиально новой информации, однако он представил свою интерпретацию, подчеркивая при этом факт, что казаки не знали о том, что царь принял решение относительно Украины уже 24 марта 1653 г., за ним последовало также решение Земского собора от 1 (11) октября. На ход этих событий не оказали никакого влияния ни смерть Тимоша, ни Жванецкое соглашение. Сильнее, чем другие историки, обсуждающие конфликт между В. Бутурлиным и казацкими старшинами, возникший на почве царской присяги, В. Серчик подчеркивал факт, что казаки не знали обычаев абсолютной монархии. Договор с царем они считали подобным тому, который шляхта заключала с королем после его избрания, в котором диктовала ему свои "раста conventa". В связи с этим автор более подробно представил переговоры казацких послов в Москве, присвоение 17 (27) марта так называемых статей Б. Хмельницкого и привилегий запорожского войска от 27 марта (6 апреля).

Анализируя наступившие позже события, В. А. Серчик подчеркнул, что отношения с Москвой после заключения унии не складывались легко и просто. Украинцам трудно было привыкнуть к порядкам, существующим в абсолютистской России. Довольно долго сопротивлялись С. Коссов и православное духовенство. Оценивая значение Переяславской унии, автор подчеркивал, что она была следствием сильного стремления Украины к России, которое можно объяснить общим историческим прошлым, языковой близостью, религией, крепнувшими экономическими связями, которым сопутствовали, однако, противоположные стремления, возникшие в результате притязаний на полную независимость украинских земель, поэтому в России охотно видели союзника, но включение в ее состав было вопреки политическим интересам старшин. В будущем это порождало конфликты, вытекающие из того, что угнетение крестьянства в России было даже сильнее, чем в Польше, стремления Украины противоречили царским планам, а киевское духовенство предпочитало подчиняться константинопольскому патриарху.

Говоря о достижениях польской историографии до 1980 г., касающихся Переяславской Рады, видим, что польские историки старались, несмотря на существующие ограничения, представить

польскую точку зрения по этому вопросу. Обстоятельства, в которых была созвана Рада, они видели главным образом в контексте агрессивных действий Москвы, в которых Украина, как более слабая сторона, была скорее объектом, нежели субъектом международной политики, хотя подчеркивались также талант и достижения Богдана Хмельницкого; Речи Посполитой же, которая по своей вине потеряла исторический шанс на достижение согласия, приписывалась лишь роль статиста.

III. Новый подход в польской историографии к проблематике Переяславской Рады связан с появлением работ Януша Качмарчика. Этот ученый – исследователь эпохи Богдана Хмельницкого – в своих работах воспользовался всеми имеющимися первоисточниками и архивными материалами. Он учел также разработки украинских ученых, проживающих не только в Украине, но и в эмиграции, работающих в основном в научных центрах США и Канады. Я. Качмарчик не уклонялся также от спорных вопросов. Свои мнения он представил сначала в статье, в которой поставил принципиальный, с точки зрения украинцев, вопрос: насколько решения Переяславской Рады были результатом сознательного политического выбора или, быть может, они оказались лишь результатом той безвыходной ситуации, в какой оказалась Украина в начале 1654 г. (Kaczmarczyk 1982)? Затронутые тогда проблемы были представлены на фоне событий, имевших место в Переяславе, и помещены в опубликованной в 1988 г. биографии Богдана Хмельницкого, автором которой является Я. Качмарчик (Kaczmarczyk 1988: 200–245). По сравнению с другими польскими историческими работами на рассматриваемую тему в трудах Я. Качмарчика мы находим наиболее полное описание как событий во время прохождения самой Переяславской Рады, так и обстоятельств, которые привели к ней. Автор подробно проанализировал проведение казацких переговоров, начиная с первых контактов в 1648 г. Подготовка к Переяславу начинается, по мнению автора, с момента отправления в Москву посольства С. Богдановича-Зарудного в декабре 1652 г. Результатом сделанного им заявления было решение царя Алексея о предпринятии действий, направленных на подчинение Украины. Это вытекало из предпосылок того, что после Батога казацкое вой-

ско было достаточно сильно, чтобы при поддержке России расправиться с Речью Посполитой. Подробное описание очередных фаз переговоров, продолжавшихся в течение всего 1653 г., приводит Качмарчика к выводу о решении царского правительства подчинить себе Украину и о его прекрасной ориентации во всем происходящем. Ученый избегает при этом любых оценок. Он приводит сухой отчет об очередных этапах переговоров Хмельницкого с В. Бутурлиным, детально описывает поведение царского посла и подробности, касающиеся совещаний казацких старшин, а также сам ход Великой казацкой рады, – все это говорит само за себя.

В свои размышления Я. Качмарчик ввел темы, отсутствовавшие до сих пор в польской историографии, а именно анализ расслоения в рядах казацких старшин, разные аспекты политики Богдана Хмельницкого, позицию Ивана Выховского, последствия принятых решений, в том числе и «мартовских статей» и др. В этом освещении Переяславская Рада является элементом сложной политики Хмельницкого, для которого Россия была «важнейшей козырной картой в проводимой с большим мастерством политической игре, причем безопасной козырной картой, поскольку вплоть до конца 1653 года царь не верифицировал интенций гетмана» (Kaszmarszyk 1988: 213). Только осенью, по мнению Качмарчика, Хмельницкий просчитался. Решительный ход царя, направившего посла с миссией принять присягу, не оставил гетману поля для совершения маневра. Просчет заключался, между прочим, в том, что Россия в своих планах шла дальше, чем ревизия Поляновского перемирия, целью планируемой войны был захват Украины. Итак, Хмельницкому и Выховскому оставалось лишь отвоевать выгодные, хотя бы теоретически, условия подчинения России, что оказалось их пирровой победой. Я. Качмарчик высказал свои сомнения относительно самого хода Переяславской Рады, а в особенности неоднократно опубликованной речи Хмельницкого, известной только по отчету В. Бутурлина, который, по всей вероятности, пользовался текстом, предоставленным ему казацкой канцелярией, так что, быть может, она не вполне соответствует действительности и, несомненно, включает в себе то, что Бутурлин хотел передать царю. В своих суждениях о мотивах, какими руководствовались в своих действиях казаки, Я. Качмарчик близок В. А. Серчику, и в

связи с этим он написал, что казакам надоела продолжавшаяся 6 лет война. Цветущая страна была разорена проходящими по ее территории войсками, кончились блестящие победы, появился голод, чашу терпения переполнил татарский набег. Подчинение воспринималось казаками как возможность принять российскую помощь и обрести стабильность, нереальную в случае заключения перемирия с Речью Посполитой. Подобным образом воспринимался и отказ Бутурлина, касающийся присяги, который Качмарчик объясняет, как и большинство польских историков, разницей в традициях и менталитете между Россией и Польшей, на образцах которой Хмельницкий и казачество формировались, а также строили систему внутренней власти. В столкновении с диктующей свои условия Москвой идея независимой Украины, которой Хмельницкий подчинил все существующие до сих пор политические концепции, превратилась в призрак.

Обсуждая переговоры, проводившиеся в Москве в марте 1654 г., Я. Качмарчик констатировал, что принятые царем 13 из 23 казацких требований фактически перечеркнули концепции, отработанные в Чегрыне, в особенности касающиеся ограничений суверенитета Украины в области международных и налоговых вопросов. Действия самого гетмана впервые были подвергнуты непосредственному контролю. Кроме того, в Кремле *«нашли способ, как удержать в повиновении казачество, способ, который долгие годы искали в варшавском замке»*. Москва навязала казакам свою систему сбора налогов, обосновала на территории Украины воевод с сильными военными отрядами, в Киеве воздвигла замок, который должен был быть гарантией российского владения (Kaczmarszyk 1988: 226). Подводя итоги, Я. Качмарчик добавил, что планы казачества, связанные с Переяславской Радой, оказались ошибочными, так как она *«не завершила, а, наоборот, начала самый кровавый этап сражений»*. Вспыхнувшая в результате этого польско-российская война, вызванная главным образом ответными польско-татарскими действиями, разорила Украину, превратив ее в пепелище (Kaczmarszyk 1988: 215).

Труды историков, вышедшие в Польше после публикаций Я. Качмарчика, не внесли ничего существенно нового в наши знания о Переяславской Раде. Они могут быть интересны с точки зре-

ния эволюции и разносторонности взглядов, появившихся после 1989 г.

Так, Генрих Виснер в популярной монографии, представляющей польско-российские отношения в XVI–XVII вв., рассматривает проблематику Переяславской Рады в контексте формирования самостоятельного государства на польско-московских рубежах (Wisner 1995: 102–114). Автор вслед за В. А. Серчиком пишет о Переяславской унии (Wisner 2000: 154–155), в сокращении излагая ее генезис и ход, а также склоняется к мнению, что объединение Украины с Москвой иначе понимали гетман и казачество, а совсем по-другому – царь и бояре. Для Богдана Хмельницкого это был союз с сильным покровителем, который был бы в состоянии защитить рождающееся украинское государство. О том, что это было меньшее зло (после сомнительных союзов с Турцией и татарами и неудачных соглашений с Польшей Москва была последним из великих соседей), свидетельствовала готовность, с какой казацкий вождь устанавливал контакты со шведами. Для Московского государства подчинение Украины было, как утверждали в Москве, выполнением завещания Ивана Калиты.

Религиозные мотивы, нашедшие свое отражение в решениях Переяславской Рады, были изложены в двух книгах, посвященных православной церкви в Речи Посполитой, автором которых был Антони Миронович (Mironowicz 1997: 124–128; 2001: 149–153). Описание событий, как и их интерпретация, не выходило за рамки, установленные З. Вуйциком, В. А. Серчиком и Я. Качмарчиком. В этих работах особый интерес представляет детальное описание отношения митрополита Сильвестра Коссова к решениям Рады, а также анализ разных точек зрения на эту тему в среде православного духовенства, и роль, какую сыграл патриарх Никон, действия которого привели к заключению соглашения и к войне.

С 1990 г. среди польских историков все более увеличивался интерес к польско-украинским отношениям. Среди публикаций на эту тему мы хотим назвать еще два новых синтетических подхода, представленных в работах Генриха Литвина и Тересы Ханычевской-Хеннель. Высказывания Г. Литвина были опубликованы в совместном польско-украинском томе очерков и обратили на себя внимание очень аккуратным распределением акцентов. Краткий

очерк Г. Литвина о событиях 1648–1655 гг. излагает разные точки зрения в подходе польских и украинских историков и представляет в меру однородный генезис и обстоятельства, которые сопровождали Переяславскую Раду (Litwin 2000: 99–100). Г. Литвин считает, что основным принципом политики, проводимой Хмельником, было стремление гарантировать себе военного союзника в борьбе с Речью Посполитой за большую независимость и ее дальнейшее сохранение. Хмельницкий хотел воспользоваться военной поддержкой Москвы для укрепления Украины, он хлопотал о ее помощи уже с 1648 г. Теперь после решений, принятых царем и Земским собором, он оказался в очень трудной ситуации, поскольку не было альтернативы ни на соглашение с Польшей, ни на опеку турецкого султана. Г. Литвин самой Переяславской Раде отводит лишь формальный характер, принципиальное значение, по его мнению, имели «статьи Богдана Хмельницкого», позже утвержденные царем Алексеем. Они гарантировали казакам значительную свободу, но запрещали вести самостоятельную иностранную политику и декретировали губительные для автономии полномочия царя держать на Украине собственную администрацию и армию. Постановления Переяславской Рады были сильным ударом по Речи Посполитой, над которой нависла угроза потери огромных территорий.

Краткий доклад Тересы Ханычевской-Хеннель, подчиненный принципу современного синтеза истории Польши, появившийся в минувшем году, в принципе заключает в себе тезисы, идентичные тезисам, изложенным в разработке Г. Литвина (Hunczewska-Hennel 2003: 68–73). Новым является здесь другое освещение мотивов, которыми руководствовалась Москва в своем стремлении «взять под опеку» Украину, к которым автор причислила достижения Хмельницкого и ослабевание общественного радикализма казацкого восстания; в свою очередь, при обсуждении последствий Переяславского соглашения подчеркивается, что в его результате была образована Малая Русь, охватывающая Киевское и Черниговское воеводства, которая в рамках России обладала автономией под непосредственной властью царя. Автор с оговорками приняла тезис о том, что Хмельницкий считал подчинение Москве средством создания независимого украинского государства.

IV. Анализ польской исторической публицистики, посвященной Переяславской Раде, следует начать с обширного эссе Павла Ясеницы. Оно представляет собой отжившее в настоящее время направление в дискуссии, происходившей сорок лет назад и анализировавшей причины поражения Польши и ее зависимости от СССР. Для этой дискуссии исторические рассуждения были завесой, за которой скрывалась от цензуры настоящая цель, однако взгляды Ясеницы на эту тему, воспринимавшиеся прямым образом, сильно повлияли на понимание польской истории последующими поколениями поляков (Jasienica 1968: 81–99). Ясеница сурово осудил поляков за то, что они потеряли шанс, предоставленный историей. В Переяславской Раде он видел наказание, совершенное историей, последствие роковых политических ошибок, в особенности «жванецкой авантюры». Публицист видел далекоидущие последствия войны, имевшей место в 1648 г., превратившей цветущую страну в руины, достижения многих поколений были растрачены. Именно так следовало понимать высказанное Ясеницей предложение: «В Переяслав Бутурлин приезжал за достижениями истории, которая, несмотря на страшнейшие политические ошибки, многое совершила на Украине». По мнению Ясеницы, в 1654 г. Польша заплатила высокую цену за ошибочную политику в отношении православия и за то, что навязала Украине церковную унию, за потерянные шансы на соглашение в рамках Речи Посполитой, о чем хлопотал еще Кисель, а потом С. Коссов, за то, что вместо переговоров были организованы карательные экспедиции. П. Ясеница впервые в послевоенной истории Польши отбросил тезис о том, что в Переяславе произошло объединение Украины с Москвой. По его словам, если Россия земли Западной Украины (Подолье, Волынь и Русское воеводство) считала «ляцкими», то, скорее всего, следовало бы говорить о том, что Россия включила в состав Московского государства одну часть Украины, вторую оставив под управлением Варшавы. На самом деле в Переяславе начиналось деление Украины между Польшей и Россией, результатом которого был Андрушевский трактат, который, по словам Ясеницы, был самым настоящим разделом Украины (Jasienica 1968: 175).

После того, как Украина стала независимым государством, польские историки сравнительно редко обращались к проблематике

Переяславской Рады. В польско-украинских отношениях существовали более важные темы, требующие обсуждения. К очень редким можно отнести высказывания, авторы которых старались рациональным образом выяснить суть конфликта, имевшего место в середине XVII столетия, используя при этом добросовестную аргументацию. К такого типа дискуссиям можно отнести беседу, недавно состоявшуюся во Вроцлаве между Богданом Осадчуком и Адольфом Юзвенко (Juzwenko, Osadczuk 2000). Выступающий от имени Польши А. Юзвенко в лучшем и предельно синтетическом виде представил мнения польских исследователей по вопросу о Переяславской Раде. Он констатировал, что роковой ошибкой, допущенной польской стороной, был отказ от того, чтобы казачество связать с Речью Посполитой. Это было возможно еще в начале XVII в., но уже в середине этого столетия конфликт между сторонами дошел до таких размеров, что преодоление его становилось все более трудным. Восстание 1648 г. было сильным ударом по Речи Посполитой и стало началом ее упадка. В результате Зборовского соглашения Украина стала, по сути дела, отдельным государством, признающим над собой власть польского короля и существующим в рамках Речи Посполитой. Последствием дальнейших войн была передача Украины в 1654 г. во владение московским царям, что, по словам Юзвенко, было очень большой, если не роковой ошибкой, допущенной украинскими элитами. Включение Украины в состав империи, которая начинала доминировать в этой части Европы, имело для судеб Украины очень серьезные последствия.

Наряду с этими очень взвешенными высказываниями в независимой Польше ожили, а скорее всего, выявились скрываемые до тех пор националистические тенденции. Из эмиграции их поддерживал Енджей Гертых (1903–1992), вождь партии *Стронництво народове* и автор популярной истории польского народа (Giertych 1986 [cyt. za: Prus 2003: 115]). Эта среда объединяет в основном иммигрантов из сегодняшней Украины и выдвигает требования о возврате имущества, а в своей исторической публицистике сосредоточивается прежде всего на несправедливостях, причиненных полякам украинцами. Среди многочисленных антиукраинских публикаций показательной кажется нам последняя книга Эдварда Пру-

са (профессора в одном из вузов г. Катовице). Этот заядлый польский националист на более чем 400 страницах крупного размера рисует черно-белую картину польско-украинских отношений на протяжении нашей истории (Pruś 2003: 124–126). События 1654 г. (как и вся разработка в целом) представлены в форме подобранных соответствующим образом цитат из источников и литературы, которые сопровождаются эмоционально насыщенным авторским текстом. Обойдем стороной все резкие нападки и сравнения, порожденные многовековым польско-украинским спором. Мы должны отдавать себе отчет в том, что в польскую историографию возвращаются забытые со времен Ф. Равиты-Гавроньского суждения. Итак, наряду с критикой казачества, отказом им в политическом инстинкте, обвинениями в авантюризме, склонности к уничтожению и деструкции, вытекающих якобы из самой их природы, Прус высказывается о том, что русский люд (это определение он цитирует по Гертыху) мог хорошо существовать только в границах Речи Посполитой. И поэтому решения, принятые Переяславской Радой, он считает предательством, которого Хмельницкий добился путем манипуляций и благодаря которому русский люд поверил в то, что под царским скипетром его ждет счастье, какого он до сих пор не знал. А тем временем Москва ко всей «хмельничине» относилась инструментально и поэтому безжалостно воспользовалась невежеством русской черни, запудривая ей глаза дурманящим лозунгом «защиты древней греческой веры». Это предложение Прус подкрепляет цитатой, взятой у Ю. Бартошевича, говорившей о том, что Хмельницкий «боролся с Речью Посполитой за право грабить и убивать, сжигать и уничтожать, что он о церкви заботился так, как Москва заботилась о соблюдении свободы этой бедной Руси, которая попала в ее руки благодаря Хмельницкому». Нельзя сказать, что Прус бескритичен по отношению к польской стороне, о которой он пишет, что «разрешению казацкого вопроса и успокоению ситуации не способствовало отношение польской стороны, наглое и попросту глупое».

V. В Польше оживление дискуссии на тему казачества имело место в 1999 г. и было связано с выходом на экраны фильма по роману Г. Сенкевича «Огнем и мечом», режиссером которого был

Ежи Гоффман. Наряду с многочисленными рецензиями появились также более серьезные высказывания историков, таких как Януш Тазбир, В. А. Серчик, З. Вуйцик. Дискуссия проходила, скорее, вокруг самого фильма и польского национального мифа и только вскользь затрагивала вопрос связей Украины с Россией в 1654 г. Профессор Януш Тазбир, анализируя позицию очередных правительств ПНР и роль цензуры, пришел к выводу, что роль их была двусмысленна. Роман «Огнем и мечом» неоднократно переиздавался в Польше, был в школе книгой обязательного чтения, но одновременно кажется, что государственные власти не были заинтересованы в примирении и улучшении образа украинца в глазах поляков. Они опасались лишь реакции Москвы. Это вытекало из факта, что трактат о разделе Украины, которым было прославленное, на все лады восхваляемое Переяславское соглашение (1654 г.), Россия воспринимала как объединение Украины с родиной-матерью. Попутно Я. Тазбир высказал мысль о том, что надо отбросить миф, говорящий о том, что казаки боролись во имя всего украинского народа за независимое русское государство, что причиной польско-казацкого конфликта был религиозный или этнический вопрос. Казацкие элиты попросту хотели стать частью шляхетского сословия, со всеми причитающимися привилегиями, и именно потому они начали войну, поскольку «панове Паскове» не хотели чуть сдвинуться с места на скамье, называемой властью, чтобы таким образом освободить место для новых собратьев по гербу и по привилегиям (Tazbir 1999).

Несколько новых элементов мы обнаружили также в высказываниях З. Вуйцика по случаю торжественного вручения польской награды Богдану Ступке, исполняющему в фильме роль Богдана Хмельницкого (Chmielnicki... 2000). З. Вуйцик повторил, но на этот раз сделал это в еще более выразительной форме, свои известные уже мнения по этому вопросу. Говоря о Переяславской Раде, он вспомнил о том, какую карьеру сделало понятие «воссоединение», которое он решительно отбросил, так как считал его проявлением московской идеологии. Ученый нисколько не сомневался в том, что включение Украины способствовало созданию имперской позиции России. Говоря о Богдане Хмельницком, он напомнил, что имеются две традиционные точки зрения, позволяющие охарактере-

ризовать его личность: политик, который боролся за абсолютную независимость Украины, и политик, который стремился к «вторичному присоединению» Украины к России. По словам З. Вуйцика, Переяслав был для Хмельницкого большим разочарованием. Оказавшись в безвыходной ситуации, он согласился на «безоговорочное» подданство царю, и в этом заключалась его роковая ошибка. Оценивая многочисленные высказывания, появившиеся по случаю премьеры «Огнем и мечом», З. Вуйцик был решительно против того, чтобы казацкое восстание рассматривалось в категориях гражданской войны. Это равносильно тому, чтобы польские восстания XIX в. считать гражданской войной в России. По его словам, здесь речь идет, скорее, о столкновении двух народов, при этом учитываются все трудности, связанные с дефиницией понятия «народ» в это время.

Самой существенной, на наш взгляд, была оценка переяславских постановлений, данная Вуйциком. По его мнению, они до сих пор недооцениваются в польской историографии. А ведь Переяславская Рада коренным образом изменила расположение сил в этой части Европы. Уже тогда, а не при Петре Первом или Екатерине Второй Россия стала империей. Если бы не Переяслав, Россия никогда не дошла бы до такого могущества. Не было бы разделов и потери независимости. В связи с этим в заключительном слове З. Вуйцик высказал очень актуальную мысль: «Соотношение Россия – Украина – Польша предрешает судьбу нашей части Европы, об этом должны помнить все, кто правит Речью Посполитой и Украиной».

Главную мысль, на этот раз очень современную, в связи с обзором мнений по случаю 350-й годовщины Переяславской Рады, высказал профессор Владислав А. Серчик в приуроченной к этой знаменательной дате статье, помещенной в Интернете в январе 2004 года под заглавием «Как царь казаков перехитрил» (Serczyk 2004). В ней представлены взгляды польских историков на тему Переяславской Рады, появившиеся на протяжении последних полвека. Их презентация начинается с принятия в 1954 г. официального тезиса о так называемом «объединении Украины с Россией, являвшемся результатом исторической справедливости». Данный тезис стал подвергаться сомнению, конечно между строк, и в 60-е гг. XX в.

был полностью отброшен учеными. Профессор Серчик уже в первом предложении сказал, что заключенная 350 лет назад Переяславская уния оказалась для Украины актом подчинения Москве. В ее основе лежало отсутствие в XVII в. в масштабах всего континента прочной политической системы, основанной на распределении сфер влияния между Россией, Турцией и Польшей. Продолжая, В. А. Серчик указывал на переломное значение событий 1620 г., когда после поражения под Цецорой огромная казацкая армия спасла Речь Посполитую, что способствовало возрождению православной иерархии и позволило казакам осознать свою силу. Согласно сказанному выше, *«восстание Хмельницкого в 1648 г. было логическим последствием событий, разыгравшихся на Украине, в особенности непонимания шляхтой постоянно растущего украинского национального сознания, быстро превратившегося, после очередных побед казацкого войска, в украинское государственное сознание. Об этом повествует, между прочим, роман “Огнем и мечом” Г. Сенкевича, которого несправедливо обвиняют в распространении ненависти и представлении жителей Украины в недоброжелательном свете. Подобные мнения высказывались уже при появлении первого издания романа, но настоящие нападки начались только в течение последних десятилетий, когда правда о событиях 300-летней давности стала невыгодной для официальной их версии»*. Именно этим объясняет В. А. Серчик ограничения в издании романа «Огнем и мечом», которые должны были ликвидироваться благодаря изданию в Польше романа украинского писателя Натана Рыбака под заглавием «Рада Переяславска», задуманного, по всей вероятности, как соцреалистическое приложение к трилогии Г. Сенкевича.

Профессор Серчик вступил также в полемику с высказываниями Валерия Степанкова и Валения Смоля, которые, «не видя в этом ничего смешного, восстание Хмельницкого назвали революцией» (Смолий, Степанков 1999). Он признал также польско-украинскую войну 1648–1654 гг. одним из самых важных событий в истории обоих народов. Тогда впервые была сформулирована ясная, изменяющаяся в зависимости от актуальной ситуации и соотношения сил программа строительства независимого украинского

государства, использовавшего в равной мере польские и казацкие образцы.

Хмельничина стала, по словам В. А. Серчика, самым существенным элементом украинского национального сознания. Однако охваченные кровавой войной стороны не заметили, что рядом росла держава, которая все больше угрожала их самостоятельности. Это было именно Российское государство... Быстрее всех ощутили его силу казаки во время Переяславской Рады, когда царский посол Василий Бутурлин наглядно показал Хмельницкому и казацким старшинам, в чем заключается суть единовластия. Когда 27 марта (6 апреля) 1654 г. царь подтвердил привилегии запорожского войска, оказалось, что о самостоятельности украинских земель, о которой так мечтали казаки, не может быть речи. Контроль над местной администрацией оказался в руках царских чиновников, казакам не разрешалось вести самостоятельную внешнюю политику. Увеличено было только количество зарегистрированных до 60 тыс. человек, казацким старшинам царь подтвердил их прежние привилегии.

В заключение В. А. Серчик отказался от своего давнего мнения о том, что Переяславская уния не была ни унией, ни украинско-русским военным союзом. Это был, по сути дела, акт, подчиняющий Украину России. Ее непосредственным результатом были: укрепление Российского государства, польско-русская война, гражданская война на Украине, разорение страны и сближение Польши с Крымским ханством.

Литература

Baranowski, B. 1954. Narodowo-wyzwoleńcza walka ludu ukraińskiego w XVII wieku. *Nowe Drogi* I.

Baranowski, B., Lbyszowska, Z. 1954. Problem narodowo-wyzwoleńczej walki ludu ukraińskiego w XVII w. w historiografii polskiej. *Kwartalnik Historyczny* 61 (2): 197–217.

Bazyłow, L. 1975. *Historia Rosji*. Wyd. 2. Wrocław: Ossolineum.

Bobrzyński, M. 1927. *Dzieje Polski w zarysie*. Wyd. IV. T. II. Warszawa.

Chmielnicki Bohdan, ataman wojsk kozackich. Rozmowa prof. Zbigniewa Wójcika z Pawłem Wrońskim. *Gazeta Wyborcza* 30.06.2000.

Giertych, J. 1986. *Tysiąc lat historii polskiego narodu*. T. I. Londyn.

Górka, O. 1934. «*Ogniem i mieczem*» a rzeczywistość historyczna. Warszawa.

Hynczewska-Hennel, T. 2003. Powstanie Chmielnickiego. W: *Polska. Dzieje cywilizacji i narodu*. T. 4. *Rzeczpospolita szlachecka 1586–1795*. Warszawa – Wrocław.

Jabłonowski, A.

1910. *Pisma*. T. II. *Kresy ukraińskie*. Warszawa.

1912. *Historia Rusi Południowej do upadku Rzeczypospolitej Polskiej*. Kraków.

Jakowenko, N. 2000. *Historia Ukrainy od czasów najdawniejszych do końca XVIII wieku*. Lublin.

Jasienica, P. 1968. *Rzeczpospolita Obojga Narodów*. Cz. II. *Calamitatis regnum*. Warszawa: PIW.

Juzwenko, A., Osadczyk, B. 2000. Polska – Ukraina: wspólne wartości, wspólne dziedzictwo, wspólne konflikty. *Obóz* 37: 93–113.

Kaczmarczyk, J.

1982. Ugoda w Perajasławiu – konieczność czy wybór? *Małopolskie Studia Historyczne* 25: 413–435.

1988. *Bohdan Chmielnicki*. R. V. *Pod carskim berłem*. Wrocław: Ossolineum.

Konopczyński, W. 1923. Panowanie Jana Kazimierza. *Historia polityczna Polski*. Cz. II. *Od r. 1505 do r. 1775*. Warszawa.

Korzon, T.

1892. O Chmielnickim. Sądy pp. Kulisza i Kaspara. *Kwartalnik Historyczny*.

1936. *Dzieje Polski nowożytnej*. T. 2. Warszawa.

Kosman, M. 1966. *Na tropach bohaterów Trylogii* (s. 113). Warszawa: KiW.

Kubala, L.

1904. Przysięga w Perejasławiu i «stati» Bogdana Chmielnickiego. *Kwartalnik Historyczny* 18.

1910. Wojna moskiewska roku 1654–1655. *Szkice historyczne*. Ser. 3: 443. Warszawa.

Lelewel, J. 1959. Wykład dziejów powszechnych (1824/25). *Dzieła*. T. III. Warszawa.

Litwin, H. 2000. Od Unii Lubelskiej do III rozbioru Rzeczypospolitej. Rzeczpospolita – Ukraina. Szkic wydarzeń politycznych. W: Chynczewska-Hennel, T., i Jakowenko, N. (red.), *Między sobą. Szkice historyczne polsko-ukraińskie*. Lublin.

Mironowicz, A.

1997. *Prawosławie a unia za panowania Jana Kazimierza*. Białystok.

2001. *Kościół prawosławny w dziejach dawnej Rzeczypospolitej*. Białystok.

Moraczewski, J. 1864. *Dzieje Rzeczypospolitej Polskiej*. T. VI. Poznań.

Ochmański, J. 1974. *Dzieje Rosji do roku 1861*. Warszawa: PWN.

Pajewski, J. 1960. *Buńczuk i koncerz. Z dziejów wojen polsko-tureckich*. Warszawa.

Piwarowski, K.

1957a. Rola Turcji i Rosji w wojnach o Ukrainę oraz przebieg tych wojen do 1659 r. W: Łowmiański, H. (red.), *Historia Polski*. T. I. *Do roku 1764*. Cz. IX. Warszawa: PWN.

1957b. Wojna kozacko-chłopska na Ukrainie. W: Łowmiański, H. (red.), *Historia Polski*. T. I. *Do roku 1764*. Warszawa: PWN.

Podhorodecki, L.

1960. *Sicz Zaporoska*. Warszawa.

1976. *Zarys dziejów Ukrainy*. T. 1. R. 10. *Historyczna rada i jej skutki*.

Prus, E. 2003. *Hulajpole. Burzliwe dzieje Kresów Ukrainnych (od słowińskiego świtu do Cudu nad Wisłą)*. Wrocław: Atla 2.

Rada Perejasławska i jej historyczne znaczenie. *Trybuna Ludu* 18.01.1954.

Rawita-Gawroński, F.

1909. *Bohdan Chmielnicki od elekcji Jana Kazimierza do śmierci (1648–1657)*. Lwów.

1925. *Ukraina. Kozaczyzna ukraińska w Rzeczypospolitej Polskiej do końca XVIII wieku. Zarys polityczno-historyczny*. Warszawa.

Rolle, A. (Dr Antoni J.) 1966. *Wybór pism*. Warszawa.

Serczyk, W. A.

1970. Ukraina w latach 1569–1795. W: Karaś, M., i Podraza, A. (red.), *Ukraina – teraźniejszość i przeszłość*. Rozdz. III. *Powstanie Chmielnickiego i unia perejasławska*. Kraków.

2001. *Historia Ukrainy*. Wyd. 3. Wrocław: Ossolineum.

2004. Jak car Kozaków przechytrzył. *Polsko-Ukraiński magazyn internetowy* (<http://www.Ukraine-Poland.com/publicystyka> 31.01).

Smoleński, W. 1897. *Dzieje narodu polskiego*. Warszawa.

Sokolowski, A. 1898. *Dzieje Polski illustrowane*. T. III. Wiedeń.

Szujski, J. 1889. *Historia Polska. Dzieła*. T. IX. Kraków.

Tazbir, J. 1999. Gra w odbijanego. *Polityka* 8.

Tezy w związku z 300 rocznicą zjednoczenia Ukrainy z Rosją (1654–1954). *Trybuna Ludu* 14.01.1954.

Tomkiewicz, W.

1935. *Kozaczyzna ukraińska*. Lwów.

1937. Unia hadziacka. *Sprawy Narodowościowe*. R. 11.

1939. *Sprawy ukraińskie*. Lwów.

Wisner, H.

1995. *Król i car. Rzeczpospolita I Moskwa w XVI i XVII wieku. Zerwany pokój*. Warszawa: KiW.

2000. *Janusz Radziwiłł 1612–1655, wojewoda wileński, hetman wielki litewski*. Warszawa.

Wójcik, Z.

1954a. Feudalna Rzeczpospolita wobec umowy w Perejasławiu. *Kwartalnik Historyczny* 61 (3): 76–109.

1954b. Rywalizacja polsko-tatarska o Ukrainę na przełomie lat 1660–1661. *Przegląd Historyczny*.

1959. *Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza*. Warszawa.

1960a. *Dziki pola w ogniu. O kozaczyźnie w dawnej Rzeczpospolitej*. Warszawa.

1960b. Zmiana w układzie sił politycznych w Europie Środkowowschodniej w drugiej połowie XVII wieku. *Kwartalnik Historyczny* 67: 25–54.

1968. *Między traktatem andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672*. Warszawa.

1971. *Dzieje Rosji 1533–1801*. R. VI. *Kwestia ukraińska i wojny z Polską i Szwecją 1648–1667*. Warszawa: PWN.

1976. *Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674–1679. Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej*. Wrocław.

1997. *Jan Kazimierz Waza*. Wrocław: Ossolineum.

Смолий, В., Степанков, В. 1999. Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 рр.). *Україна криз віки*. Т. 7. Київ.